

ской (дѣла Осетинск. комиссіи); Литовской и Ярославской (дѣла униатскихъ учреждений); Рижской (дѣла переводч. комитета); Симбирской (губерн. присутствія по обезпеченію быта духовенства) и Холмской (дѣла бывшей правит. комиссіи Мин. Внутр. Дѣлъ). Архивы не только мелкихъ учреждений, но даже цѣлыхъ духовныхъ правленій прямо гибнуть за неимѣніемъ мѣста храненія. Комиссіи не разъ приходилось высказываться по этимъ вопросамъ и спасать отъ гибели архивы, предназначенные къ уничтоженію.

Но кромѣ вопросовъ архивовѣднія и архивоведенія, въ комиссіи возбуждались вопросы и чисто археологическаго характера. Такъ, Святыишимъ Синодомъ переданъ былъ на заключеніе комиссіи вопросъ объ охраненіи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, о восстановленіи комитета 1853 года по описанію ризницъ и древнихъ памятниковъ. Въ послѣднее время возбужденъ былъ вопросъ первостепенной важности о мѣрахъ къ сохраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ родной старины, приостановленный на поль-дорогѣ по независимымъ отъ комиссіи обстоятельствамъ. Благо- временно было бы возобновить это дѣло.

Итакъ, комиссія, составленная изъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ, живо интересующихся русскою историческою наукою, сумѣла весьма отчетливо поставить свое дѣло; какъ начала, такъ и продолжала свои занятія съ полнымъ сознаніемъ важности возложеннаго на нее дѣла, которое старалась по возможности расширять и улучшать. Къ пятому десятку лѣтъ своей дѣятельности комиссія выработала новыя правила (утвержденныя Святыишимъ Синодомъ 12—20 мая 1904 г.), въ точности опредѣляющія ея занятія. Усиленно занимаясь продолженіемъ своихъ изданій и не отклоняя отъ себя изда-

нія памятниковъ исторіи, литературы и права, хранящихся въ Архивѣ Святыишаго Синода, и посвященныхъ этимъ памятникамъ изслѣдованій, комиссія имѣетъ обсуждать архивныя и археологическія вопросы, предлагаемые ей на разсмотрѣніе Святыишимъ Синодомъ и его оберъ-прокуроромъ, а также доклады членовъ комиссіи о трудахъ ихъ по комиссіи и, вообще, по вопросамъ архивовѣднія и археологіи, изъ коихъ на очереди стоятъ вопросы—о мѣрахъ къ своевременной сдачѣ дѣлъ въ архивы изъ канцелярій, о централизаціи архивовъ духовнаго вѣдомства, о предупрежденіи гибели дѣлъ въ консисторскихъ архивахъ и о мѣрахъ къ охраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ родной старины.

К. Здравомысловъ.

Священникъ А. В. Гумилевскій, основатель приходской благотворительности въ С.-Петербур-
бургъ.

Александръ Васильевичъ Гумилевскій, магистръ богословія, былъ простой приходскій священникъ въ С.-Петербургѣ. Умершій на 38 году своей жизни, онъ прослужилъ Церкви и обществу всего 14 лѣтъ; но, не смотря на свое кратковременное служеніе, оставилъ по себѣ на долгое время свѣтлую память въ С.-Петербургскомъ православномъ обществѣ, какъ ревностный дѣятель по устройству бесплатныхъ воскресныхъ школъ, какъ духовный наставникъ и устроитель Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія и особенно какъ объединитель прихода въ дѣлахъ любви къ меньшей братіи Христовой и основатель приходской благотворительности въ столицѣ¹⁾.

¹⁾ Предлагаемыя свѣдѣнія о покойномъ пастырѣ и о приходской благотворительности въ С.-Петербургѣ заимствованы изъ трудовъ:

Издавна на Руси отношенія священнослужителей къ своимъ прихожанамъ, вслѣдствіе многихъ историческихъ обстоятельствъ, за рѣдкими исключеніями, ограничивались совершеніемъ богослуженія и требъ церковныхъ. Прихожане болѣе числились по исповѣднымъ спискамъ, чѣмъ были живыми членами прихода. Каждый зналъ только самого себя, а до другого ему и дѣла было мало. Не было руководителя, который соединилъ бы разрозненныхъ членовъ прихода въ одну христіанскую семью, чтобы общими силами удовлетворять нужды общеприходской жизни.

Священникъ А. В. Гумилевскій съ самаго начала своего служенія въ приходѣ принималъ близко къ сердцу нужды своихъ пасомыхъ и помогалъ имъ частію изъ личныхъ средствъ, частію изъ собранныхъ имъ пожертвованій. «Но его смѣлой и предпріимчивой душѣ этого было мало, — говорилъ сослуживецъ его священникъ В. Масловъ, — ему казалось, что въ христіанскомъ православномъ приходѣ можно образовывать цѣлое стройное общество благотворительности больнымъ, престарѣлымъ и малолѣтнимъ бѣднымъ прихожанамъ; общество, которое, утоляя голодъ алчущихъ, утирая слезы плачущихъ, облегчая страданія больныхъ, покая старость, воспитывая младость, въ этомъ служеніи ближнему и само для себя въ то же время находило бы источникъ постояннаго нравственнаго во Христвѣ преуспѣянія». И о. Александръ первый организовалъ въ столицѣ такое благотворительное общество подъ названіемъ «Христорожественскаго братства», которое понынѣ

служить лучшимъ украшеніемъ и похвалою Христорожественскаго прихода. Примѣръ покойнаго пастыря побудилъ и другихъ духовныхъ лицъ къ созиданію братскаго строенія въ русскихъ православныхъ приходахъ.

Полная самоотверженной любви просвѣтительная и, еще больше, благотворительная дѣятельность священника Гумилевскаго весьма поучительна и назидательна для пастырей особенно въ настоящее время, въ виду сознаваемой въ правительственныхъ сферахъ неотложной необходимости возрожденія общеприходской жизни и тѣснѣйшаго объединенія духовенства и прихожанъ въ дѣлахъ любви и милосердія.

Посему находимъ благовременнымъ освѣжить воспоминаніе объ этомъ замѣчательномъ труженникѣ на пользу Церкви и общества.

А. В. Гумилевскій, сынъ діакона С.-Петербургской епархіи, родился 13-го августа 1830 года. Высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1855 году, опредѣленъ былъ наставникомъ словесности и Священнаго Писанія въ С.-Петербургскую духовную семинарію, а 25 мая 1856 г. рукоположенъ во священника къ приходской Христорожественской церкви на Пескахъ. Въ то время эта окраина Петербурга по составу населенія была одна изъ бѣднѣйшихъ уголковъ столицы.

Съ перваго же времени своего священническаго служенія о. Александръ явился пастыремъ, доступнымъ для всѣхъ безъ исключенія своихъ прихожанъ и во всякое время дня и ночи. По обязанностямъ священника случалось ему ночью посѣщать бѣдныхъ больныхъ для напутствія въ жизнь вѣчную. «А ходили-ли вы за докторомъ?» спрашиваетъ о. Александръ. И когда получался отвѣтъ, что не ходили, онъ самъ

1) Н. А. Скrobotова: «Приходскій священникъ А. В. Гумилевскій», подробный биографическій очеркъ, С.-Петербургъ, 1871 г. и 2) С. Г. Руневича: «Приходская благотворительность въ С.-Петербургѣ», историческіе очерки, С.-Петербургъ, 1900 г.

принимался за леченіе: ставилъ горчичники, компрессы, иногда самъ отправлялся за врачомъ. Всѣ эти заботы и хлопоты о больныхъ были для него дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. «Не въ его натурѣ было, — говорилъ помянутый священникъ Масловъ, — придти къ больному съ святыми Дарами, приобщить и уйти, не сказавши слова утѣшенія и ободренія. Не въ его натурѣ было придти къ усопшему, отслужить панихиду и уйти, не распросивъ съ самымъ искреннимъ участіемъ, кто и что остается послѣ умершаго, что и какъ устроить при обычномъ въ сихъ случаяхъ разстройствѣ». О. Александръ имѣлъ особенную способность утѣшать человѣка въ горѣ и болѣзни и пробуждать въ немъ спасительную искру надежды и отрады. Духовныя дѣти его во время нравственной борьбы, нравственныхъ и физическихъ страданій, весьма часто приглашали своего «батюшку» для духовнаго собесѣдованія.

Особенное вниманіе священника Гумилевскаго было обращено на нищихъ дѣтей. «Въ развалившихся лачугахъ и сырыхъ подвалахъ нашего прихода, — говорилъ онъ, — я видѣлъ родителей, которые считали лучшимъ для своимъ дѣтей дѣломъ бѣгать по улицамъ съ протянутыми для милостыни рученками, чѣмъ учить ихъ чему-нибудь полезному. Дѣти съ самаго ранняго возраста не только сами привыкають къ праздности и попрошайству, но и распространяють между собою ремесло нищенства и причають къ нему другихъ неопытныхъ въ этомъ дѣлѣ малолѣтокъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ нѣсколько дѣвочекъ нашего прихода, опытныхъ въ нищенствѣ, давали страшный урокъ попрошайства дѣвочкѣ, которая едва умѣла протянуть рученку и едва могла лепетать за своими паставницами слова: Христа ради! Содрогнулось мое сердце при видѣ такого ужаснаго урока».

Движимый глубокимъ чувствомъ жалости къ этимъ несчастнымъ, о. Александръ посѣщалъ Песковскіе притоны физической и нравственной нищеты и и неразъ уводилъ оттуда за руку приготавлиаемаго къ профессиональному нищенству ребенка, за перевоспитаніе котораго принимался съ необычайнымъ жаромъ.

Наступилъ 1860 годъ, въ который возникли первыя бесплатныя воскресныя школы для ремесленниковъ и рабочихъ, въ непродолжительное время успѣвшія раскинуть свою сѣть по разнымъ городамъ и селеніямъ нашего обширнаго отечества. Первая воскресная школа въ Петербургѣ открыта была графомъ Барановымъ. Священникъ Гумилевскій, принимавшій близко къ сердцу дѣло народнаго образованія, посѣтилъ ее. Впечатлѣніе, которое произвела на него эта школа, было весьма непріятное. «Въ этой школѣ, — писалъ онъ, — учили всѣ, кто хотѣлъ, всему, чему хотѣли, и не учили только Закону Божію. Такая свобода во всемъ привлекла въ эту школу множество преподавателей, а законоучителя не приглашали. Опасаясь, что воскресныя школы съ такимъ свободнымъ направлениемъ быстро разовьются въ Петербургѣ, я рѣшился заблаговременно, по мѣрѣ силъ моихъ, измѣнить направленіе ихъ. Лучшимъ средствомъ къ тому представлялось учрежденіе чисто-духовной воскресной школы, и я рѣшился устроить это дѣло».

Съ разрѣшенія властей, при содѣйствіи извѣстнаго педагога А. Д. Ушинскаго, о. Александръ устроилъ первую воскресную школу съ уроками Закона Божія во Владимірскомъ уѣздномъ училищѣ и предложилъ студентамъ духовной академіи принять участіе въ бесплатномъ преподаваніи въ ней. Студенты, во главѣ съ бакалавромъ А. И. Предтеченскимъ, вполнѣдствіи профес-

соромъ, съ радостію приняли это предложеніе и въ количествѣ 60 человекъ записались въ число преподавателей школы.

22-го мая 1860 года, въ Троицынъ день, въ присутствіи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ послѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, графа И. Д. Деланова, сочувствовавшаго религиозно-просвѣтителнымъ стремленіямъ о. Александра, и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, открыты были классы воскресной школы. О. Александръ совершилъ молебенъ предъ началомъ ученія. Послѣ молебна произнесъ рѣчь, въ которой опредѣлилъ направленіе и характеръ открываемой имъ воскресной школы.

«Дѣло наше,—говорилъ онъ,—начинаясь въ праздникъ Сошествія Святаго Духа на апостоловъ подъ сѣнію благодати Святаго Духа, будетъ и вестись въ томъ же духѣ благодати и вѣры. Мы—лица духовныя и—конечно—не станемъ блуждать съ земными тусклыми свѣточами, а ввзяши за основу всего святое Евангеліе и правила православной Церкви, поведемъ этихъ людей въ храмъ вѣры съ свѣтильниками горлицами и немерцающими... Примѣръ святыхъ апостоловъ убѣждаетъ насъ, что только сила Божіей благодати можетъ измѣнять, обновлять нравственную и умственную жизнь простыхъ людей. Слѣдовательно, если кто хочетъ нравственно переродить простой классъ людей, тотъ долженъ прежде всего влить въ него благодатную силу вѣры Христовой и потомъ уже, какъ содѣйствующія средства, употреблять и грамотность и другія внѣшнія мѣры. Такъ мы понимаемъ это дѣло, такъ и поведемъ его»...

Привѣтствуя студентовъ-преподавателей, о. Александръ говорилъ: «Теперь не будешь кричать и писать, что духовенство спитъ, что наши духовныя

заведенія безжизненны и бесплодны, что только одни свѣтски-образованные люди могутъ вести дѣло народнаго образованія... До сихъ поръ наши студенты жили вдали отъ темнаго народа, теперь вамъ представляется полная возможность непосредственно и практически ознакомиться съ религиознымъ, умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ его. Вы увидите тутъ, въ чемъ именно нуждается простой народъ, какими знаніями и приемами надобно запастись вамъ»...

Являясь дѣятелемъ народнаго образованія, священникъ Гумилевскій не остановился на устройствѣ Владимірской воскресной школы, а задумалъ основать и въ своемъ Песковскомъ приходѣ такую же школу. На безмездный трудъ въ этой школѣ пригласилъ онъ воспитанниковъ духовной семинаріи, какъ будущихъ законоучителей воскресныхъ школъ. Семинаристы, слѣдуя примѣру студентовъ академіи, съ полною готовностію согласились удѣлить свободные часы воскреснаго дня на доброе дѣло, и 50 лучшихъ воспитанниковъ высшаго и средняго отдѣленія, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, записались въ число преподавателей школы. По мысли покойнаго пастыря, школа эта должна была, съ одной стороны, содѣйствовать образованію бѣдныхъ ремесленниковъ и рабочихъ, а съ другой, знакомить воспитанниковъ семинаріи съ приемами обученія, такъ какъ въ то время не было образцовыхъ школъ при семинаріяхъ, и педагогика въ нихъ не преподавалась.

Основывая воскресную школу для прихода, о. Александръ надѣялся найти и матеріальныя средства для школы въ приходѣ. Однако, надежда эта слабо оправдалась. Прихожане оказали ему скудную помощь. Къ собраннмымъ среди нихъ деньгамъ, о. Александръ долженъ

былъ прибавить не мало своихъ рублей, чтобы приобрести для школы всѣ необходимыя учебныя принадлежности.

Въ воскресенье, 10 октября 1860 г., въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ изъ администраціи С.-Петербургскаго учебнаго округа, состоялось открытіе приходской воскресной школы въ зданіи Рождественскаго уѣзднаго училища. Послѣ молебна предъ учениемъ о. Александръ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой выяснилъ значеніе открываемой имъ школы.

«Большая часть этихъ бѣдныхъ людей, говорилъ онъ, дѣти мои духовныя. Часто я думалъ объ истинномъ духовномъ просвѣщеніи ихъ; но, къ горю моему, думы должны были остаться думами. Въ приходской службѣ нѣтъ рѣшительно возможности дѣйствовать на этихъ людей словомъ и наставленіями. По праздникамъ въ церкви я не могу говорить съ ними такъ, какъ, по моему мнѣнію, надобно говорить съ ними, простыми и темными. На исповѣдь приходятъ они, но что имъ сказать, какое полное наставленіе подать въ тѣ немногіе часы, которые долженъ бываешь раздѣлить на сотни человекъ? Здѣсь же въ этой школѣ и время и мѣсто вполне позволяютъ мнѣ сказать имъ все, что нужно знать имъ; сказать такую рѣчь, которую только и могутъ понимать они»...

Семинаристамъ о. Александръ говорилъ: «многіе изъ васъ будутъ единственными свѣтильниками въ тѣхъ темныхъ мѣстахъ, куда поставятъ васъ служителями Церкви... Вы должны будете просвѣщать народъ вездѣ: въ церкви, въ жизни, въ школѣ. Гдѣ же лучше, какъ не здѣсь, среди этихъ простыхъ людей, заблаговременно ознакомить васъ съ религиозными понятіями народа? Гдѣ лучше, какъ не въ такой школѣ, заранѣе освоиться вамъ и съ самыми способами народнаго обученія и съ самымъ устройствомъ

школь? Гдѣ, наконецъ, какъ не здѣсь, можно вамъ согрѣть въ сердцахъ своихъ то чувство живой любви къ народу, которое можетъ загораться только отъ соприкосновенія юнаго сердца съ народомъ и воспламеняться отъ искренняго сознанія глубокой умственной и нравственной тьмы этого народа. Старайтесь болѣе всего о приобретеніи этого чувства любви къ народу: любовь научитъ васъ и говорить народно».

Законъ Божій въ обихъ воскресныхъ школахъ преподавалъ самъ о. Александръ съ помощію студентовъ академіи и воспитанниковъ семинаріи. Онъ же и наблюдалъ за успѣшнымъ преподаваніемъ въ нихъ другихъ предметовъ. Владимірская школа содержалась на средства ремесленной управы. Напротивъ, все матеріальное содержаніе Рождественской школы лежало почти на иждивеніи одного о. Александра; пожертвованія въ пользу школы частныхъ лицъ были весьма ограниченныя, а сочувствіе къ школѣ членовъ прихода было весьма слабое.

По образцу устроенныхъ священникомъ Гумилевскимъ воскресныхъ школъ Владимірской и Рождественской, стали открываться воскресныя школы и въ другихъ мѣстностяхъ столицы. Подготовленные имъ студенты академіи и воспитанники семинаріи приглашены были занять классы по Закону Божию и обученію грамотѣ въ этихъ школахъ. По предложенію епархіальнаго начальства о. Александръ составилъ «Правила для преподаванія Закона Божія и для наблюденія за обученіемъ въ воскресныхъ школахъ С.-Петербургской епархіи».

Въ началѣ 1861 года о. Александръ, при замѣтномъ уже участіи прихожанъ, устроилъ приходскую духовную бібліотеку для бѣдныхъ и организовалъ изъ учениковъ воскресной школы — бѣдныхъ мальчиковъ и ремесленниковъ

приходскій хоръ пѣвчихъ, который пѣлъ въ Христорожественской церкви при воскресныхъ и праздничныхъ службахъ.

Безкорыстная просвѣтительная дѣятельность молодого священника, призывавшаго словомъ и примѣромъ и другихъ пастырей къ такой же дѣятельности, пришлась не по сердцу нѣкоторымъ изъ старѣйшихъ членовъ столичнаго духовенства, привыкшихъ ограничиваться священнослужительскими обязанностями. Они стали называть о. Александра «выскачкой». Это огорчало покойнаго пастыря, но не угашало его энергіи. «Бываетъ время,—писалъ онъ тогда одному лицу, бывшему за границею,—когда общее благо надо предпочитать личному. Теперь такое время, и я блаженствую въ самоотверженной трудовой дѣятельности, судимой, преслѣдуемой, но только не по суду Христову, а по суду жалкаго эгоизма. Быть можетъ, до васъ еще не дошли слухи о скорбяхъ моихъ, о насмѣшкахъ, о преслѣдованіяхъ, какимъ подвергаюсь я теперь по поводу моего общественнаго учительства; но что мнѣ до того? Что мнѣ до того, кого мя глаголютъ чловѣцы быти? Я чловѣкъ-священникъ, для Христа моего готовый на всѣ жертвы. Въ этомъ моя жизнь, мои страданія и мое земное блаженство».

Со всѣмъ жаромъ любящей души трудился о. Александръ на пользу Церкви и общества. Кромѣ обязанностей священника по приходу и законоучительства въ школахъ, онъ вель духовныя бесѣды въ Крестоводвиженской общинѣ сестеръ милосердія и работалъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Духъ христіанина». По поводу своей многосложной дѣятельности покойный пастырь писалъ въ сентябрѣ 1861 г. одному уважаемому имъ лицу: «Знаю, что я самъ грѣшникъ, знаю, что у меня нѣтъ той всеобъемлющей и всепрощающей

любви, какою пылало сердце Христа Господа моего. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствую въ себѣ какую-то внутреннюю силу, которая побуждаетъ меня съ сочувствіемъ спѣшить на встрѣчу всякому доброму начинанію. Вижу, что всякое дѣло мое, хоть послѣ тяжелой иногда борьбы, достигаетъ цѣли. Это меня поддерживаетъ, ободряетъ, укрѣпляетъ въ жизни. Правда, иногда я ослабѣваю, но въ эти минуты естественнаго ослабленія всегда какой-нибудь свѣтлый лучъ надежды блеститъ для меня, и я снова въ путь, въ дѣло, въ жизнь... Другіе удивляются множеству моихъ занятій и укоряютъ меня тѣмъ, что я ночи простаиваю съ перомъ въ рукахъ у этажерки, что я не берегу своего здоровья, что я не жалѣю жены, которая въ нашемъ званіи должна бѣдствовать послѣ моей смерти; а я напротивъ, удивляюсь другимъ священникамъ, отчего они мало дѣлаютъ... Мнѣ кажется, что мое дѣло, какое бы оно ни было, совершаемое съ мыслію о Христѣ, есть тоже молитва, но молитва, если такъ можно выразиться, дѣловая». Въ другомъ письмѣ о. Александра къ тому же лицу читаемъ: «Трудный и тяжелый путь избрала я въ жизни, но все равно—пойду этимъ честнымъ и свѣтымъ путемъ до конца, пока не уложатъ меня въ могилу». И онъ, какъ увидимъ ниже, исполнилъ свое слово.

Протоіерей Ф. Знаменскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ того ли, что отцы наши меньше знали, что для Церкви полезно, и что по времени удобно, или не удобно? *Я не почитаю возстановаденія сего чина ни бесполезнымъ, ни невозможнымъ*: но вы видѣли, что ваши мысли о діакониссахъ дошли до начальства, и встрѣтили только молчаніе». И думается, что тотъ епископъ, который рѣшится внести этотъ вопросъ на обсужденіе собора, окажетъ тѣмъ услугу Церкви, въ особенности же всѣмъ ея страждущимъ чадамъ.—Да будетъ такъ!—Но учрежденіе... *церковныхъ общинъ сестеръ милосердія*... не требуетъ соборнаго опредѣленія и можетъ осуществиться нынѣ же, не только съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, но даже по благоволенію каждаго епархіальнаго архіерея.

Священникъ А. В. Гумилевскій, основатель приходской благотворительности въ С.-Петербурѣ¹⁾.

Еще въ началѣ 1860 года священникъ Александръ Гумилевскій былъ приглашенъ занять мѣсто духовнаго наставника сестеръ милосердія въ Крестовоздвиженской общинѣ, основанной великою княгиней Еленой Павловной для ухода за ранеными въ Крымскую войну.

Въ сердечныхъ и одушевленныхъ бесѣдахъ съ сестрами, изложенныхъ письменно, покойный пастырь въ стройной системѣ развивалъ свои мысли о христіанскомъ служеніи страждущимъ братьямъ, о высотѣ этого служенія, о необходимости христіанской любви въ дѣлѣ сего служенія, о свойствахъ христіанской любви, указанныхъ святымъ апостоломъ Павломъ (1 Коринѣ. 13, 4—7), объ искренней любви ко Христу, которая должна лежать въ основѣ служенія милосердія. При этомъ внушалъ сестрамъ, чтобы онѣ не ограничивались служеніемъ больному тѣлу. «Въ человѣкѣ кромѣ тѣла,—говорилъ онъ,—есть бессмертная душа, которая важ-

нѣе тѣла. Оказывая помощь тѣлу, вы обязаны оказывать помощь и душѣ. Слово Божіе указываетъ и эти духовныя дѣла милосердія, которыя состоятъ въ томъ, чтобы утѣшать скорбящихъ, ободрять несчастныхъ, наставлять невѣдущихъ и вразумлять заблуждающихся въ вѣрѣ¹⁾».

Приглашенный въ общину въ качествѣ духовнаго наставника, священникъ Гумилевскій съ первыхъ же дней своего служенія, по желанію августѣйшей основательницы и покровительницы общины, явился и устроителемъ общины и принималъ самое близкое и живое участіе въ жизни членовъ ея: наблюдалъ за внутреннимъ направленіемъ общины, участвовалъ въ совѣтѣ общины и въ распоряженіи всѣми дѣлами ея, посѣщалъ больницу Петербурга и Кронштадта, гдѣ трудилась сестры.

Весною 1860 г. предложили о. Александру составить проектъ устава Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. Дѣло это было весьма сложное, но покойный пастырь принялъ означенный трудъ на себя и посвятилъ ему почти все лѣто 1860 г., не прерывая своихъ бесѣдъ въ общинѣ.

Видя, какъ тысячи русскихъ религіозныхъ женщинъ спѣшатъ въ монастыри, онъ думалъ двинуть эту массу на другую дорогу. По его проекту, двери Крестовоздвиженской общины должны быть открыты для всѣхъ русскихъ религіозныхъ женщинъ. Правда, въ общинѣ эти женщины не могли бы встрѣтить монастырской созерцательной жизни, но онѣ нашли бы въ ней другую жизнь, жизнь посвященную дѣламъ милосердія: помогая бѣднымъ, физическимъ и нравственнымъ страдальцамъ, онѣ такъ же,

¹⁾ Въ книгѣ Скроботова кратко указано содержаніе 30 бесѣдъ покойнаго пастыря, сохранившихся въ рукописи; изъ нѣкоторыхъ бесѣдъ помѣщены большія выдержки (стр. 118—124 и друг.).

¹⁾ См. № 50-й «Церк. Вѣд.».

какъ и въ монастырѣ, служили бы Христу для своего спасенія, но служили бы Ему не одною только молитвою, а п дѣломъ. Исходя изъ этой мысли, о. Александръ желалъ видѣть будущую общину православныхъ служителейъ милосердія въ Россіи съ направлеіемъ религиознымъ и не отчужденнымъ отъ міра. Поэтому въ своемъ проектѣ онъ старался воскресить въ лицѣ общины древне-христіанское учрежденіе діако-ниссъ, которыя въ Церкви православной являлись помощницами епископовъ въ дѣлахъ служенія больнымъ и бѣднымъ, почему и труду своему далъ такое наименованіе: «Проектъ Крестовоздвиженской общины православныхъ діако-ниссъ»¹⁾.

По проекту о. Александра избран-ныя дѣвѣцы и вдовы должны были посвящаться въ званіе діако-ниссы чрезъ рукоположеніе епископа съ возложе-ніемъ на лѣвое плечо каждой изъ нихъ діако-нскаго ораря съ крестами, бѣлаго или голубаго, которымъ опоясы-ваются онѣ крестообразно, какъ это изображено на иконахъ двухъ древ-нихъ святыхъ діако-ниссъ Олимпіады и Галсіи. Кромѣ общихъ обязанностей христіанскаго милосердія, діако-ниссы должны были готовить женщинъ, присоединяющихся къ православной Церкви изъ иновѣрія, къ крещенію, миропомазанію и причащенію. Самый домъ діако-ниссъ предполагался особаго устройства съ соответствующими кар-тинами и надписями на черныхъ до-скахъ золотыми славянскими буквами.

Этотъ оригинальный проектъ о. Але-ксандра, основанный на началахъ древ-ней вселенской Церкви и религиозно-народной русской жизни, не былъ, однако, принятъ администраціей общи-ны. Не взирая на это, мысль о возобно-

вленіи служенія древнихъ діако-ниссъ не покидала покойнаго пастыря¹⁾.

Когда Крестовоздвиженская община достигла настоящаго устройства, высо-кая покровительница ея великая кня-гиня Елена Павловна, принявъ во вниманіе, что занятія священника Гу-милевского въ общинѣ значительно от-влекаютъ его отъ полезныхъ дѣлъ въ приходѣ, 15 мая 1862 года освободила его отъ должности паставника и устрои-теля общины, выразивъ ему благодар-ность за двухлѣтніе труды и пожало-вавъ на память камышевую трость, украшенную большимъ топазомъ, алма-зами и изумрудами.

Въ Великомъ посту 1861 года о. Але-ксандръ приглашенъ былъ причастить въ какой-то лагучѣ 90-лѣтняго больного старца по имени Дементія, служив-шаго еще въ ополченіи 1812 года, въ старости же покинутаго всѣми и питавшагося сухими корками, какія приносила ему старуха-нищая. Картина нищенства была ужасная. Причастивъ больного, о. Александръ снабдилъ его деньгами, которыя случились у него въ карма-нѣ. «Всякое сердце, писалъ онъ, содрогнулось бы предъ такою нуждой; дрогнуло и мое. Нужда старика, какъ камень, давила меня, и на пути въ церковь я думалъ, какъ бы обезпечить послѣдніе дни этого жалкаго ветерана». Подъ вліяніемъ этихъ думъ покойный пастырь отслужилъ великопостные часы и послѣ церковной службы сказалъ поученіе, въ которомъ обратилъ внима-ніе слушателей на бывшее время право-славной Церкви, когда православные христіане посвящали дни поста на облегченіе участи бѣдныхъ, а діако-ниссы посѣщали больныхъ, и въ заклю-ченіе указалъ посѣтителямъ церкви на

¹⁾ Желаящіе обстоятельнѣе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ проектомъ могутъ найти его въ книгѣ Скроботова, стр. 142—152.

¹⁾ Поднятый о. Александромъ вопросъ о возобновленіи служенія діако-ниссъ на-стойчиво выдвигается въ современной прессѣ духовной и свѣтской (Церковный Вѣстникъ, 1905 г. № 35).

страшную нужду Дементія и просилъ ихъ помочь ему. Сердечное слово пастыря дошло до сердца слушателей. Въ пользу Дементія собрана была въ церкви достаточная сумма. Затѣмъ пожертвованія продолжались и были доставляемы о. Александру на домъ. Пришла къ нему одна вдова Параскева Краюхина, жившая трудовою копейкой, и заявила, что она не можетъ помочь большому деньгами, но желала бы послужить ему, какъ служили древнія диакониссы, о которыхъ онъ говорилъ въ церкви. О. Александръ встрѣтилъ ея заявленіе съ радостью. Онъ тотчасъ увидѣлъ въ лицѣ ея желаемую имъ диакониссу, прочиталъ ей 25-ю главу Евангелія отъ Матвея и благословилъ ее на подвигъ служенія страдалцу. Послѣ этого Параскева стала служить старику Дементію: она покупала ему на выданный о. Александромъ деньги пищу, обмывала его больныя ноги и утѣшала его чтеніемъ духовныхъ книгъ. Къ ней присоединилась бѣдная дѣвица Софія. По желанію о. Александра онѣ стали отыскивать и другихъ престарѣлыхъ бѣдныхъ больныхъ въ приходѣ, прислуживать имъ и помогать изъ жертвуемыхъ въ распоряженіе о. Александра и его собственныхъ денегъ. Кромѣ денегъ онѣ получали отъ покойнаго пастыря русскія Евангелія, старое платье, бѣлье и другіе предметы, собираемые имъ для раздачи бѣднымъ больнымъ.

Безкорыстная, полная самоотверженной любви къ несчастнымъ, дѣятельность вдовы Параскевы Краюхиной и дѣвицы Софіи возбудили въ священникѣ Гумилевскомъ желаніе устроить въ своемъ Песковскомъ приходѣ «общину сестеръ милосердія по примѣру диакониссъ древней православной Церкви». Въ концѣ 1861 года о. Александръ обращается къ приходу съ воззваніемъ о содѣйствіи по устройству названной

общины. На призывъ пастыря отозвались двѣ женщины, которыя заявили ему желаніе поступить въ число сестеръ милосердія будущей общины. Въ то же время нѣкоторыя дамы—благотворительницы внесли нѣсколько десятковъ рублей на устройство общины. Но для организаціи общины требовалось сочувствіе не нѣсколькихъ лицъ, а многихъ. Дѣло устраиваемой общины остановилось. О. Александръ возвратился къ прежнему частному порядку благотворенія чрезъ сестеръ Параскеву и Софію и сталъ выжидать болѣе благоприятнаго времени, чтобы поднять начатое имъ дѣло. Такое время наступило съ учрежденіемъ приходскаго Христорожественскаго братства.

Устройство священникомъ Гумилевскимъ Христорожественскаго братства объясняется близкими, непосредственными отношеніями его къ приходу, о которыхъ сказано вначалѣ. Онъ считалъ себя живымъ членомъ христіанской общины, поэтому участіе его въ положеніи духовныхъ дѣтей его было для него долгомъ, обязанностью. «Мы не знаемъ, писалъ онъ, отношеній ближе тѣхъ, какія существуютъ между приходскимъ духовенствомъ и прихожанами. Каждый приходскій священникъ долгомъ званія своего обязанъ входить въ духовныя и матеріальныя нужды своихъ пасомыхъ, болѣе другихъ знакомиться съ нуждами приходскихъ бѣдняковъ и по обязанности проникать даже въ такіе подвалы, углы и уголки, въ которые никогда не проликаетъ ничей сострадательный взоръ. Слѣдовательно, если кому, то священнику чаще всѣхъ приходится слышать вопли и стоны истинной нищеты, нерѣдко въ наполненныхъ водою подвалахъ влачащей тяжелые дни свои».

Чтобы помочь всѣмъ приходскимъ бѣднякамъ, требовалась общеприходская помощь, а приходъ, какъ хри-

стіанская община, проникнутая взаимною любовью, обязаны заботиться о своихъ бѣдствующихъ соприхожаняхъ. Между тѣмъ, такой приходъ существовала болѣе на словахъ, на бумагѣ, а не въ жизни. Прихожане болѣе числились по исповѣднымъ спискамъ церквп, чѣмъ были живыми членами прихода. Слѣдовательно, сначала необходимо было создать приходъ какъ христіанскую общину не по имени, а по дѣлу, а потомъ и устраивать общеприходскую помощь бѣднякамъ. Обдумывая этотъ вопросъ и въ то же время знакомясь съ исторіей и современнымъ положеніемъ западно-русскихъ православныхъ братствъ, о. Александръ пришелъ къ мысли объ устройствѣ благотворительнаго братства въ Песковскомъ приходѣ. Дѣятельность братства не зависѣла отъ членовъ прихода, которые были извѣстны по приходскимъ исповѣднымъ спискамъ. Членовъ братства соединили въ одну семью не исповѣдныя списки, а самое дѣло, которое, какъ дѣло христіанской любви, должно было быть свободнымъ, безкорыстнымъ и самоотверженнымъ.

Въ приходскій праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, 8-го сентября 1863 года, о. Александръ произнесъ проповѣдь, въ которой старался объяснить прихожанамъ, что приходъ православный тогда только будетъ истинно-православнымъ христіанскимъ приходомъ, когда, проникшись чувствомъ общей христіанской любви, составятъ изъ себя единое во Христѣ братство, въ которомъ священно-церковно-служители приходскіе союются съ прихожанами въ дѣлахъ любви христіанской, въ заботахъ о храмѣ, въ благотвореніи больнымъ, престарѣлымъ и малолѣтнимъ нищимъ.

Придя къ мысли о приходскомъ братствѣ, о. Александръ прежде всего сосредоточиваетъ свои заботы на мало-

лѣтнихъ приходскихъ нищихъ — бѣдныхъ пріютахъ или заброшенныхъ родителей. «Съ самаго поступленія на мѣсто, — пишетъ онъ, — меня крайне занимала судьба малолѣтнихъ нищихъ, которые съ юныхъ лѣтъ пріучались къ гибельному тунеядству. Нѣкоторые изъ нихъ выросли на моихъ глазахъ и уже 12-ти лѣтъ были совершенно испорчены въ нравственномъ отношеніи. Не разъ я успивался завлечь ихъ въ казенный дѣтскій пріютъ, находящійся въ нашемъ приходѣ, но напрасно. Тогда я сталъ говорить имъ, что заведу свой пріютъ для нихъ, если они дадутъ обѣщаніе придти туда. Они обѣщались».

Найдя будущихъ питомцевъ для братскаго пріюта, священникъ Гумилевскій началъ думать о матеріальныхъ средствахъ. Для начала дѣла онъ составлялъ брошюру: «Житіе преподобнаго Алексія, чловѣка Божія». Въ этой брошюрѣ раскрываетъ Евангельское ученіе о нищетѣ и въ заключеніе ея обращается къ читателямъ съ слѣдующею рѣчью: «Въ первыя времена, какъ только началась вѣра Христова, всѣ жили, какъ братья, между собою, дѣлились между собою своими богатствами, и оттого нищихъ не было тогда. Такъ подобаетъ намъ жить и теперь. Поэтому, православные христіане, соединитесь всѣ братскими узами между собою и, составивъ изъ себя при своей приходской церкви братство, устройте на общую мірскую складку избу для нищей братіи Христовой. Тогда и вы, подобно Еввиміану, отцу преподобнаго Алексія, быть можете, удостоятесь пріютить въ такой избѣ чловѣка Божія». Брошюра эта, изданная на средства одного прихожанина въ пользу предполагаемаго Христорожественскаго братства, быстро разошлась по Песковскому приходу и распространила въ средѣ прихожанъ мысль о необходи-

мости приходскаго братства. Въ то же время продажа ея доставила о. Александру маленькія денежныя средства. На Святой недѣлѣ одинъ изъ духовныхъ сыновою покойнаго пастыря Е. М. Скворцовъ вручилъ ему 200 рублей на первоначальное открытіе братскаго пріюта для юныхъ и престарѣлыхъ бѣдняковъ.

Получивъ эту сумму, священникъ Гумилевскій немедленно нанялъ квартиру для пріюта. Наступило Өмино воскресенье — 7-е апрѣля 1863 года. Предварительно попросивъ благословеніе преосвященнаго митрополита Исидора, о. Александръ приглашаетъ всѣхъ сочувствовавшихъ церковному братству, и, послѣ молебна, открываетъ братскій пріютъ обѣдомъ для нищихъ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ. Съ этого дня начинается дѣятельность, а, слѣдовательно, и фактическое существованіе Христорожественскаго братства, хотя еще не утвержденного. Черезъ недѣлю въ пріютѣ началось и ученіе. Одновременно съ этимъ покойный пастырь устраиваетъ въ братскомъ пріютѣ богадѣльню и больницу. На первое время помѣщаетъ въ немъ 35 большихъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ нищихъ и называетъ его братскимъ приходскимъ пріютомъ. Этотъ пріютъ послужилъ первымъ камнемъ въ основаніи С.-Петербургской приходской благотворительности.

Трудно представить въ настоящее время, какъ рѣшился священникъ Гумилевскій на двѣсти рублей положить основаніе братскому пріюту, который, для своего обезпеченія, требовалъ тысячи! Но о. Александръ глубоко вѣрилъ въ устраиваемое имъ братство, при помощи котораго онъ будетъ въ состояніи не только поддержать, а и развить дѣло братскаго приходскаго пріюта. Своимъ энергичнымъ словомъ, своею безкорыстною настойчивою дѣятельностью въ пользу меньшей братіи

онъ сумѣлъ пробудить къ жизни дремавшія силы прихода, соединить ихъ во Христѣ и направить на дѣла благотворенія. Пожертвованія въ пользу братскаго пріюта начались повсюду; успѣхъ превзошелъ ожиданія даже самаго о. Александра. Нѣкоторые изъ прихожанъ обязались ежемѣсячно вносить по 10, по 5-ти и по 3 рубля; но почти всѣ прихожане изъявили согласіе вносить въ пользу братства ежегодный братскій рубль, какъ скоро составится уставъ приходскаго братства и братство вступитъ въ формально-приванную жизнь.

Въ половинѣ октября 1863 года о. Александръ составилъ уставъ и представилъ на утвержденіе епархіальнаго начальства. Братскій уставъ вышелъ весьма своеобразнымъ. Полагая въ основу братства безкорыстную любовь, онъ въ то же время во внѣшнемъ устройствѣ братства старался сохранить нѣкоторые обычаи славныхъ западно-русскихъ братствъ, напримѣръ: дозволеніе братьямъ и сестрамъ стоять въ церкви съ возжженными свѣчами. Утвержденіе устава, однако, замедлилось по той причинѣ, что онъ пересылался былъ къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ на разсмотрѣніе, и состоялось лишь въ 1868 году, послѣ того, какъ онъ приведенъ былъ въ точное соотвѣтствіе съ Высочайше утвержденными 8-го мая 1864 года основными правилами для церковныхъ братствъ. Но въ это время о. Александра уже не было въ Песковскомъ приходѣ. Впрочемъ, братство дѣйствовало весьма успѣшно и безъ устава.

Протоіерей Ф. Знаменскій.

захвативши жену въ актѣ прелюбодѣянія, убивалъ ее, и случалось также, что мужъ такой преступницѣ послѣ отсѣкалъ. И въ томъ и другомъ случаѣ свѣтскія власти нисколько не вѣняли въ виду совершившему ни убійство, ни отсѣченіе поса. И тогда оскорбленной сторонѣ позволялось вступить въ новый бракъ, а другой, преступной, бракъ навсегда запрещался.

Изъ снисхожденія къ человѣческой слабости, лицу, прелюбодѣянiемъ нарушившему супружескую вѣрность, донускается вступить въ новый бракъ, только по истеченіи семи лѣтъ послѣ объявленнаго расторгенія перваго брака, но это бываетъ въ томъ только случаѣ, если то лицо совершило преступленіе, во время по крайней мѣрѣ трехлѣтняго отсутствія супруга изъ своей страны и за все это время они никогда не могли сойтись.

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ и при указанныхъ обстоятельствахъ преступникамъ позволяется вступленіе въ новый бракъ не по церковному правилу, а по наслѣдованному народомъ обычному праву».

С. Г.

Священникъ А. Гумилевскій, основатель приходской благотворительности въ С.-Петербургѣ¹⁾.

Какъ же устроилъ священникъ Гумилевскій братское дѣло? Полагая основаніе братскому приюту для нищихъ, онъ имѣлъ въ виду дать престарѣлымъ нищимъ пищу и покой, а малолѣтнимъ воспитаніе и образованіе. Сообразно съ этою цѣлію о. Александръ учредилъ въ братскомъ приютѣ: братскую богадѣльню, братскую больницу, братскій приютъ для дѣтей, братскіе праздничные обѣды для нищихъ и п братскую общину сестеръ милосердія

по примѣру древнихъ православныхъ діаконисъ.

Въ братской богадѣльнѣ проживали престарѣлыя женщины, изъ которыхъ однѣ пользовались полнымъ содержаніемъ, а другія только квартирнымъ помѣщеніемъ. Братская больница призрѣвала тѣхъ приходскихъ бѣдныхъ больныхъ женщинъ, которыя по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ не могли поступить въ общественныя больницы. Въ то же время въ ней пользовались и заболѣвшія пріютенки дѣти.

Въ братскомъ приютѣ для дѣтей призрѣвались мальчики и дѣвочки. Кромѣ грамоты, мальчики обучались коробочному и переплетному ремесламъ, а дѣвочки шитью. Отношенія покойнаго пастыря къ дѣтямъ были чисто отеческія. О. Александръ чрезвычайно любилъ бѣдныхъ дѣтей, и чѣмъ бѣднѣе былъ мальчикъ или дѣвочка, тѣмъ болѣе онъ сосредоточивалъ на нихъ свое вниманіе. Разъ какъ-то пришлось о. Александру услышать непріятную пѣсню, которую распѣвали дѣти. Необходимо было отучить дѣтей отъ пѣнія подобныхъ пѣсней. Какъ же поступилъ въ этомъ случаѣ о. Александръ? Онъ не заглушаетъ въ дѣтяхъ любви къ пѣнію, напротивъ, старается развить ее; но только онъ даетъ дѣтской пѣснѣ иной смыслъ и иное направленіе. Для достиженія означенной цѣли, онъ, не медля ни мпуты, беретъ за перо и составляетъ для дѣтей братскаго приюта пѣсни, въ которыхъ они могли бы найти для себя религіозно-нравственные уроки. Такъ произошли пѣсни «братская» и «нищенская». Пѣніе этихъ пѣсней и по настоящей день составляетъ любимое занятіе дѣтей братскаго приюта въ свободное время¹⁾.

¹⁾ Пѣсни эти, трогательныя по своему содержанію, помѣщены въ книгѣ Скроботова на стр. 354—357.

¹⁾ Окончаніе. См. № 51 «Церк. Вѣд.»

Братскіе обѣды воскресныя и праздничныя были устроены о. Александромъ въ память тѣхъ вечеровъ любви, которыя устроились для бѣдныхъ въ древней православной христіанской Церкви въ притворахъ церквей. Въ этихъ обѣдахъ участвовали не только всѣ призываемые въ пріютъ, но и приходящіе нищіе. Иныя обѣды братство дѣлало на свой счетъ, а иныя были заказныя — задравныя и заупокойныя. Вначалѣ, за недостаткомъ служащихъ, за братскими обѣдами прислуживалъ нищимъ самъ о. Александръ съ женою своею.

Дѣятельность братской общины сестеръ милосердія по примѣру древнихъ диакониссъ, о которой о. Александръ заботился еще съ 1861 года, сосредоточивалась болѣе всего въ братскомъ пріютѣ. Въ первый годъ сестеръ въ общинѣ состояло 12, а во второй—7. Онѣ трудились безмездно ради Христа: учили дѣтей чтенію, письму, арифметикѣ и рукодѣлю, завѣдывали пріютскимъ хозяйствомъ, кухнею, прислуживали нищимъ за обѣдами, служили больнымъ въ братской больницѣ, ходили съ дѣтьми въ церковь къ богослуженію, а иныя сестры посѣщали бѣдныхъ прихода.

Въ первое время всѣ дѣла по братству и по братскому пріюту лежали на одномъ основателѣ братства, такъ какъ, за неутвержденіемъ устава, не существовало правильныхъ собраній братьевъ и сестеръ, не было еще организовано настоящаго братскаго совѣта. Вездѣ и во всемъ приходилось быть самому о. Александру. Онъ трудился въ пріютѣ какъ законоучитель и воспитатель, наблюдалъ за поведеніемъ призываемыхъ и разбиралъ ихъ жалобы, споры и ссоры; распоряжался матеріальными средствами братства и ходилъ по домамъ братьевъ и сестеръ для сбора пожертвованій на братскій пріютъ. Оче-

видецъ трудовъ покойнаго пастыря священникъ Масловъ, вспоминая его дѣятельность по братству, спрашиваетъ: «Что въ самомъ дѣлѣ нажилъ онъ себѣ съ этимъ пріютомъ, что кромѣ неустанныхъ хлопотъ, безсонныхъ ночей, груды заботъ, огорченій, неприятностей? По истинѣ, съ открытіемъ пріюта для него настала самая страдная пора жизни».

Не успѣлъ о. Александръ Гумилевскій дать прочной организаціи братскому пріюту. Онъ долженъ былъ оставить Песковскій приходъ, прежде нежели устраиваемое имъ братство получило официальное утвержденіе. Однако, и въ короткое время основанный имъ братскій пріютъ принесъ много добра для бѣдныхъ Христорожественскаго прихода. Сослуживецъ о. Александра священникъ Масловъ въ своей рѣчи во вторую братскую годовщину такъ отзывался о дѣятельности его по братству: «Въ теченіе двухъ лѣтъ о. Александръ ежедневно прокармливалъ отъ 60 до 70 человекъ, не имѣвшихъ куска хлѣба, а въ нѣкоторые дни и до 100; отъ 50 до 60 нищихъ, преимущественно малолѣтнихъ, онъ сверхъ того съ головы до ногъ одѣвалъ; отъ 50 до 60 нищихъ съ снабжалъ квартирою; до 70 больныхъ перебивало въ его больницѣ на излеченіи, умершихъ въ ней онъ же и хоронилъ; до 30 малолѣтнихъ нищихъ онъ подготовилъ къ честному труду и до 150 дѣтей ознакомилъ съ грамотой». Въ продолженіе двухъ лѣтъ въ братскую казну поступило 12,304 руб. деньгами; кромѣ того въ братскій гардеропъ и кладовую было доставлено для пріюта вещами и провизіей почти на 4,000 руб. Означенныя цифры краснорѣчивѣе всякихъ фразъ говорятъ, что сдѣлалъ приходскій священникъ о. Александръ своимъ сердечнымъ словомъ, своею настойчивою дѣятельностью въ пользу бѣдныхъ Христорожественскаго прихода¹⁾.

¹⁾ Открытъ о. Александромъ братскій

Въ 1866 году Промыслу Божію угодно было посѣтить священника Гумилевскаго тяжелымъ испытаніемъ. 4-го апрѣля совершилось первое покушеніе на жизнь Императора Александра II. Событіе это глубоко поразило царелюбиваго пастыря. Предъ молебномъ въ церкви о. Александръ прозвонилъ одушевленную рѣчь, въ которой призывалъ народъ принести пламенную, слезную, благодарственную молитву Господу, спасшему нашего Государя. Въ этой рѣчи покойный пастырь имѣлъ неосторожность, подъ влияніемъ слуховъ, сообщить невѣрные свѣдѣнія о злодѣй, покусившемся на жизнь Государя, и о мотивахъ покушенія. Последствіемъ этой рѣчи состоялся 18-го мая переводъ о. Александра изъ столицы въ г. Нарву къ Преображенскому собору на священническую вакансію. Съ болью въ сердцѣ, но безропотно оставивъ о. Александръ Песковскій приходъ, которому онъ посвятилъ столько теплоты сердечной, столько слезъ и трудовъ, чтобы воскресить въ немъ общественно-церковную жизнь. «Со слезами провожали прихожане своего добраго пастыря, — пишетъ очевидецъ, — дѣти бросались въ ноги къ своему благодѣтелю и обнимали его колѣна». Но и по отъѣздѣ въ Нарву, связь о. Александра съ Христорожественскимъ братствомъ не прерывалась: онъ назначенъ былъ сначала членомъ совѣта, учрежденнаго тогда для завѣдыванія дѣлами братскаго приюта, а затѣмъ почетнымъ предсѣдателемъ совѣта, съ правами действитель-

наго предсѣдателя, когда ему приводилось бы лично предсѣдательствовать въ совѣтскихъ засѣданіяхъ.

Въ Нарвѣ сострадательный къ бѣднымъ священникъ Гумилевскій не могъ оставаться въ сторонѣ отъ русскаго благотворительнаго учрежденія г. Нарвы. Онъ сблизился съ Орловскимъ дѣтскимъ приютомъ и единогласно былъ избранъ членомъ попечительнаго совѣта названнаго приюта.

Въ годовщину основанія приюта онъ говорилъ на благодарственномъ молебнѣ рѣчь, которую заключилъ приглашеніемъ устроить въ г. Нарвѣ братство по образцу Христорожественскаго въ С.-Петербургѣ. «Тогда и при малыхъ средствахъ, — говорилъ онъ, — мы напомнимъ всѣхъ меньшихъ братья Христовыхъ. Я начинаю и первый кладу братскій рубль въ пользу будущаго братства. Кто со мною? Пойдемте помогать Христу, скитающемуся по улицамъ и домамъ вашего города въ лицахъ многочисленныхъ нищихъ». Это смѣлое, рѣшительное воззваніе о. Александра вызвало сочувствіе въ средѣ собравшихся слушателей. Къ рублю, положенному въ пользу будущаго братства, присоединилось нѣсколько десятковъ рублей. И вскорѣ при Преображенскомъ соборѣ учреждено было благотворительное общество. — Въ Меррикулѣ, куда о. Александръ ѣздилъ лѣтомъ на дачу, онъ устроилъ на соборныхъ имъ пожертвованія церковь въ честь Казанской иконы Божіей Матери, въ память вторичнаго спасенія Императора Александра II отъ руки злодѣя въ Парижѣ.

Приютъ имѣетъ въ настоящее время прекрасный собственный каменный домъ съ церковью и садомъ. Въ приютѣ вновь устроены безплатная столовая для приходящихъ нищихъ, дневной приютъ для дѣтей до школьнаго возраста и общежитіе для сиротъ и безпріютныхъ воспитанниковъ и воспитаницъ братскаго приюта по достиженіи 13-лѣтняго возраста. Братство владѣетъ капиталомъ въ суммѣ свыше 83,000 р. (отчетъ братства за 1904 г.).

22-го марта 1867 года Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть: «священника Гумилевскаго возвратить въ С.-Петербургъ и опредѣлить его на священническое мѣсто при первой вакансіи, каковая откроется соотвѣтственно его образова-

нію». Въ силу означеннаго повелѣнія о. Александръ 6-го октября перемѣщенъ былъ къ церкви Обуховской женской больницы.

И на этомъ послѣднемъ мѣстѣ служенія своего покойный пастырь не ограничивался официальнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Обходя ежедневно со святыми Дарами палаты больницы и встрѣчая больныхъ на смертномъ одрѣ, онъ всегда старался провести нѣсколько минутъ у постели умирающей женщины или дѣвочки, не взирая на качество ея болѣзни. Правда, въ подобныхъ случаяхъ онъ часто рисковалъ собою; но, сознавая, что для человѣка, находящагося на краю могилы, нравственное спокойствіе дороже всего, онъ не могъ оставить умирающей безъ словъ утѣщенія и молитвы.

Крайняя пицета умирающихъ въ больницѣ привела священника Гумплевскаго къ мысли объ устройствѣ погребальнаго братства. «Постоянно приходилось мнѣ, — писалъ о. Александръ, — встрѣчаться въ больницѣ съ такими печальными явленіями. Приходить бѣдная мать-старушка, существовавшая трудами дочери. Плачетъ и стонетъ она, что ея родная умерла, и что ей не на что даже свѣчку и просвирку купить на помянь души, а не то, что похоронить, какъ хотѣлось бы душѣ ея. Правда, все равно, сгнѣтъ и простой и самый дорогой гробъ; но не все равно для православной души, помянуть ли кто ее изъ близкихъ просфорю, поминанциемъ, свѣчею, теплою молитвой или не помянуть при погребеніи тѣла... Вѣря въ доброе сердце русскіхъ людей, я предложилъ нѣкоторымъ изъ знакомыхъ мою мысль объ устройствѣ погребальнаго братства при нашей больницѣ, и они оговзались на нее съ полнымъ сочувствіемъ»... Дѣло погребальнаго братства о. Александръ началъ частнымъ образомъ, т. е. при

помощи постороннихъ и своихъ денегъ хоронилъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ женщинъ, умиравшихъ въ то время въ женской больницѣ... Встрѣтившаяся болѣзнь, а затѣмъ и самая смерть прекратила навсегда заботы о. Александра о погребальномъ братствѣ.

Болѣзнь, которая уложила труженника въ могилу, была тифъ. Въ одной изъ палатъ Обуховской женской больницы въ первыхъ числахъ малъ 1869 года лежала бѣдная дѣвица въ тифозной горячкѣ. О. Александръ исповѣдалъ и причастилъ ее и въ то же время удѣлилъ для нея не болѣе получаса своего досуга для послѣдней предсмертной бесѣды, чтобы успокоить ее нравственно и приготовить къ мирной кончинѣ... Но эта услуга стоила ему жизни. Онъ заразился тифомъ. Напутствованный святыми таинствами исповѣди, причащенія и елеосвященія, любвеобильный и добрый пастырь, волею Божіею, тихо скончался 20 малъ, въ цвѣтущей порѣ жизни, во минуты лучшихъ ожиданій общества отъ его дѣятельности. Смерть его прлмиривла съ нимъ и тѣхъ изъ оставшихся въ живыхъ старѣйшихъ членовъ столичнаго духовенства, которые на первыхъ порахъ несочувственно относились къ его общественному учительству.

Похороны о. Александра отличались необыкновенною торжественностью. Отпѣваніе совершенно было преосвященнымъ Павломъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи, впоследствии экзархомъ Грузіи и архіепископомъ Казанскимъ, въ сослуженіи около ста протоіереевъ и священниковъ, въ числѣ коихъ были пріѣзжіе изъ Нарвы и другихъ мѣстъ. При «послѣднемъ цѣлованіи» усопшаго плачь присутствующихъ въ церкви разразился громкими рыданіями. До самой могилы на Смоленскомъ кладбищѣ гробъ покойнаго несли на рукахъ съ пѣніемъ церков-

ныхъ пѣсней. Въ печальной процессіи участвовали тысячи народа. На могилѣ произнесли задушевные рѣчи въ память умершаго сотрудника о. Александра на пивѣ просвѣщенія священникъ М. Горчаковъ, пѣпѣ протоіерей, докторъ каноническаго права и профессоръ С.-Петербургскаго университета, и протоіерей І. Заркевичъ, въ монашествѣ просвѣщенный Николай, бывшій епископъ Новозігородскій.

Отдавшійся всецѣло на облегченіе нуждъ больныхъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ пищцъ, о. Александръ мало заботился о своей семьѣ и не оставилъ ей ничего, кромѣ имени честнаго эпергичнаго труженика на пользу Церкви и общества. Впрочемъ, опротившій семья не осталась безъ куска хлѣба и теплаго угла: по вниманію къ заслугамъ почившаго, она обезпечена мѣстными епархіальными средствами и отчасти средствами Христорождественскаго братства и С.-Петербургской городской управы, въ вѣдѣніи которой находится Обуховская больница.

Черезъ два года по кончинѣ о. Александра члены Христорождественскаго братства соорудили на могилѣ его памятникъ изъ мраморнаго четырехугольнаго подножія, поставленнаго на гранитныя ступени; на верху его возгуженъ большой крестъ. На памятникѣ начертаны золотыми буквами слова Спасителя: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоанна 15, 13).

Полная самоотверженной любви къ несчастнымъ дѣятельность о. Александра не прошла безслѣдно. Люди съ добрымъ сердцемъ духовные и свѣтскіе, возбуждаемые словомъ и примѣромъ покойнаго пастыря, стали устроить и при другихъ приходскихъ столичныхъ церквахъ благотворительныя общества и братства. Организаторы ихъ обращались къ о. Александру, какъ первому строителю

приходскаго братства, за совѣтомъ. Любезообильный пастырь съ радостію помогать всѣмъ, чѣмъ могъ.

Въ настоящее время въ С.-Петербургѣ дѣйствуютъ двадцать девять приходскихъ благотворительныхъ обществъ и четыре братства. Они обладаютъ болѣе чѣмъ двумя милліонами капитала и имѣютъ недвижимость цѣнностью тоже до двухъ съ половиной милліоновъ. Въ своихъ богадѣльняхъ они содержатъ болѣе четырехъ тысячъ престарѣлыхъ женщинъ, въ своихъ постоянныхъ пріютахъ призрѣвають до восьми сотъ бѣдныхъ дѣтей и въ дневныхъ пріютахъ свыше шести сотъ, при чемъ всѣмъ дѣтямъ дается начальное, и отчасти и ремесленное образованіе, двѣсти бѣдныхъ женщинъ обезпечиваются бесплатнымъ помѣщеніемъ и для двухъ сотъ пятидесяти послѣднія сдаются по удешевленной цѣпѣ, выдаютъ на руки бѣднымъ свыше сорока тысячъ ежемѣсячныхъ и единовременныхъ денежныхъ пособій въ годъ и до двухъ сотъ тысячъ порціи пищи, имѣютъ два пріюта для неизлечимо-больныхъ женщинъ, ясли, три дома трудолюбія для пятидесяти женщинъ, женскую рукодѣльную, женскую профессиональную школу, контору труда, двѣ санаторіи—дачи для дѣтей, три двухклассныхъ церковно-приходскихъ школы, двѣ воскресныхъ, пять библіотекъ-читаленъ, четыре церкви, одну часовню, всѣ оказываютъ своимъ кліентамъ медицинскую помощь, одно общество имѣетъ свою амбулаторію, шесть—свои небольшіе лазареты, въ четырехъ обществахъ ведутся назидательныя народныя чтенія, въ двухъ заведена продажа религіозно-нравственныхъ книгъ, почти всѣ устраиваютъ въ Рождество Христово елки для дѣтей, нѣкоторыя помѣщаютъ дѣтей на дачи.—И все это—прекрасные плоды добраго сѣмени, посѣяннаго въ Бозѣ почившимъ приходскимъ священникомъ

Александромъ Васильевичемъ Гумилевскимъ.

Ради великой любви его къ ближнимъ, наипаче же ради безцѣнной Крови Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, Которому онъ такъ усердно служилъ въ лицѣ меньшей братіи, да отпустятся грѣхи его вольные и невольные, *яко нѣтъ чловѣкъ, иже живъ будетъ и не соорышитъ*, и да упокоится духъ его въ свѣтлыхъ обителяхъ вѣчнаго блаженства!

Протоіерей Ф. Знаменскій.

Краткій обзоръ свѣтской журналистики въ 1904 году.

Издающійся въ Кіевѣ историческій журналъ подъ названіемъ «Кіевская Старина» посвященъ изученію прошлой судьбы югозападнаго, по преимуществу прежняго малороссійскаго края. Онъ на ряду съ другими статьями и историческими матеріалами отводитъ у себя мѣсто статьямъ и матеріаламъ, касающимся и религіозно-церковнаго быта.

Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на обширный историческій очеркъ профессора Кіевского университета святаго Владимира—В. Иконникова подъ заглавіемъ: «Кіевъ въ 1654—1855 годахъ», въ которомъ исторія Кіева за указанное время обследована довольно подробно и съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ.

И. Фр. Павловскій помѣстилъ въ Кіевскомъ историческомъ журналѣ статью: «Приходскія школы въ старой Малороссіи», итогами которой служатъ слѣдующія положенія автора. Въ старой Малороссіи существовали многочисленныя приходскія школы, не только подготовлявшія учащихся къ прохожденію низшихъ церковныхъ должностей, но и дававшія грамотность и, вообще, извѣстное книжное образованіе. Онѣ

были созданы не правительствомъ, а самими прихожанами. Къ концу XVIII вѣка школы эти въ Малороссіи начинаютъ исчезать.

Статья Д. Вишневаго: «Общее направленіе образованія въ Кіевской академіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія»—представляетъ изъ себя рѣчь, сказанную авторомъ 18-го декабря 1903 года предъ защитою магистерской диссертации: «Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія».

Церковно археологическій интересъ имѣетъ статья діакона И. Егорова: «Село Курель и его старина», возникновеніе котораго относится къ первой половинѣ XVII вѣка.

Но особенно Кіевскій историческій журналъ обилень матеріалами самаго разнообразнаго церковно-историческаго содержанія. Въ ряду издаваемыхъ матеріаловъ первое мѣсто занимаютъ письма. Такъ, въ немъ напечатаны: письмо Гетмана Скоропадскаго къ митрополиту Іоасафу Браковскому (1712 года), письмо Кіевского митрополита Варлаама Ясинскаго Петру I о Переяславскомъ епископѣ Захаріи Корниловичѣ, викаріѣ Кіевской митрополіи.—Въ статьѣ: «Къ характеристикѣ русской церковнобытовой жизни въ первой трети XIX вѣка» напечатаны письма архимандрита Героима Визарскаго къ архимандриту Филадельфу Пузынѣ, относящіяся къ 1826—1832 гг. Напечатанныя письма представляютъ довольно цѣпный матеріалъ для характеристики нашего ученаго монашества начала XIX вѣка; кромѣ того, въ нихъ попутно встрѣчаются характерныя замѣтки о разныхъ выдающихся лицахъ и событіяхъ своего времени.

Еще болѣе живымъ и почти современнымъ историческимъ интересомъ отличается «Переписка М. А. Максимова съ П. Г. Лебединцевымъ (1864—1873 гг.)». Напечатанная въ «Кіев-